

Петр ВАСИЛЬЕВ

*Подпорожье,
Ленинградская область*

СКАЗ ПРО СОКРОВИЩА СВИРИ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-дождутся в теремах резных. А сегодня плеском-роплеском, шёпотом волн и грохотом, рек-речушек переливами, меж подводных камней перекатами, у холмов-великанов разливами, от Онеги – сурового батюшки и до Ладоги – ласковой матушки, сказ про наши богатства-сокровища, что ещё прапрапрадедов прадеды собирали с раздольной Свири.

На неё никогда не насмотришься, да и слышать её – не наслышаться. Перламутров речных переливы помнят многих заморских гостей, поднимавших из свирской водицы осетров, су-

даков, лососей. Славных прадеды видели рыбин, не хватало размаха их рук, чтоб от самых от жаберных дуг до хвоста дотянуться любому, хоть с косою саженью в плечах.

Были щедрыми свирские люди, от души угощали друзей, а князьям подавали на блюдах стерлядь, нежных сига и форель, привозили им целые бочки царской рыбки к роскошным пирам, чтоб не гневались властные очи и давали пожить рыбакам. Лодки их да над матушкой-Свирью были полными щук и лещей, знали раньше таких окуней, что мальчишке поднять не под силу, если каши с утра не поел.

А плотва широка, что лопата, пять-шесть штук, а тянуло на пуд, и налимов такая ватага, что могли лодку враз развернуть. Про большущих ершей ещё помнят старожилы раздольной Свири и про разную свирскую рыбу от великой до малой, как лист, сорок видов её называли, не забыв про красавца угря, что из дальних морей-океанов приплывал, поднимаясь всё выше, где у грозной в ненастье Онеги начинались Свири берега.

И казалось богатство бездонным, будто мельница Сампо, таким, что не вычерпать и неводами, сколько их на реке ни тяни. Накормить им могли бы Россию от холодных до жарких границ, так кумекали мудрые деда, на сокровища глядя Свири. Воли удали всё ж не спускали и богатство своё стерегли, про потомков, как водится, помня, вёсла долго сушили, давая рыбе-матери плод донести. По весне и по осени хмурой, когда шли лососи и сиги своей долгой и трудной дорогой, чтоб икринки свои отложить, не звучало малиновых звонов колокольной присвирской красы в эти важные рыбьих родов золотые потомства дни.

Деда прадедов завещали любоваться раздольем Свири, веря, будет неисчерпаемым царство рыбное нашей реки. Но в пути её перекатом, в веке суетном и больном люди выстроили преграды, люди вдруг позабыли про святость и сокровища свирской воды. А ещё от онежского батюшки до лодейного славного полюшка травят Свирь нашу стоками-ядами, будто нету души у реки. Только если прислушаться к шёпоту, к плеску тихому милой Свири, то послышится болью и стоном: «Раньше не было алчных и жадных, злых и глупых людей-чужаков, душу свирскую не понимающих, речку-реченьку в горе загнавших ради страсти, наживы, удобств...»

СКАЗ

ПРО ВОЗНЕСЕНИЕ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-ждутся в теремах резных. А сегодня ночью белою, будто чудом-сказкой дивною, серебром луны над озером, славным, грозным да и ласковым, волн его суровых песнями, что поют с песочным берегом, сказ про наше Вознесенье и про Свирь с Онего-батюшкой.

В годы шибко стародавние, как сказитель молвил знающий, речь украсив струнной нежностью, жил Онего в одиночестве, тосковал по ладной Ладогге. Было горьким его горюшко, да такое тёмно-чёрное, так печалью напоённое,

будто берега скалистые, неприступные и грозные. Слал Онего в камни древние, что постарше его матушки, свои волны-воды буйные, да с упрямыми барашками, чтоб сточили тяжесть твёрдую, чтоб взломали силу прочную на пути к раздольной Ладогге для желанной милой радости.

И просил Онего-батюшка подсобить в управе с горюшком, с невесёлой его долюшкой грозные ветра восточные во главе с рождённым в холоде, где подолгу нету солнышка, с ледяным севериком. Разгулялись ветры-молодцы, расшвистелись да заухали, всей своей могучей удалью раскачали буйство волн. Только скалы-камни древние, будто жернова тяжёлые, словно боль да горечь, тёмные лишь от натисков потрескались, не пускают никого.

Слёзы копит одиночества опечаленный наш батюшка, он ручьями и притоками, да окрестными болотами и небесными потоками, велика его тоска. И от зова его страстного, от любви-разлуки с Ладоггой покраснела от сочувствия, от стыда за твердолобые, неприступные брега, хоть и твёрдая, но с жалостью, будто сердце материнское, как рукав для плача тайного, для народа легендарного, шокша – старая гора. С той поры стал край малиновым от Онего и до Ладогги, вдохновляет очень многих его дивная краса.

Было так, а может, не было, кто же нам теперь поведаёт, только каменное сердце, ярко-красная скала дала батюшке-Онего, будто сказка, словно песня, свет свечи и маяка, веру с доброю надеждой, как глоток воды прелестной, родниковой и небесной, сил на путь и чудеса. Если будет труд да вера, как надёжных два весла, вознесётся над бедою, над напастями и горем, над обидами и скорбью, как лебёдушка царь-птица, просветлённая душа. И вознёсся наш Онего на пути своём к любимой, ладной, милой и родимой, не страшна ему скала. Острова его запели, с облаками полетели, горы тут же расступились, волны к Ладогге скатились, зашептались в перекатах, что мелодии свирели, как певунья-свиристель.

Вот с тех пор зовётся Свирью путь великий меж озёр. А начало – Вознесеньем, покорившим неприступность и печали силой веры с незапамятных времён.

СКАЗ ПРО АЛЁХОВЩИНУ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-дождутся в теремах резных. А сегодня нитью-реченькой, не прямой, а всё извилистой, от Буяна чудо-острова до другого песне-рунного, что красуется в Свири, над оятскою водицею, что спешит к нам с вепских гор, сказ про воинов-разбойников, а быть может, про товарища всех паломников и путников, про Алёшу-перевозчика с расписной его ладьёй.

Было это али не было, нам о том теперь неведомо. Не гуляют нынче странники, песен не поют сказители, не понять нам, людям нынешним, вольных сказов-переливов ласковых оятских волн. А бывало раньше времечко куполов над речкой луковых и шатров, покрытых лемехом, да драконов-кораблей. Их вели враги рогатые на родимую сторонушку, чтоб побить всех добрых молодцев, захватить красавиц девушек, увезти с мехами ценными, с серебром навек в полон.

Стрел свистели перья тонкие, звон стоял мелей разбойничьих, гул щитов и топоров над родимую сторонушкой, над оятскими над водами да над Лысою горой. Одолеть бы грозных ворогов, отогнать да сжечь бы лодьи их, как драконов огнедыщащих, только не скопилось силушки, богатырской славной удали у родных краёв защитников, братьев Софьи-раскрасавицы и у всей её родни.

Подступили злые вороги к её терему высокому, поднялись с мечами острыми на резное на крыльцо, чтоб за море-океанище увезти в страну далёкую наше чудо небоглазое, нашу Софью-раскрасавицу с пышной русою косою. Только Софья-раскрасавица, тайны знавшая кудесников, обратилась голубицею, развернула крылья белые, улетела в лес густой.

Подивились злые вороги силе волшебства невиданной, испугались все разбойники, хоть храбрей на свете не было, колдовства и чар оков, сев за вёсла свои длинные, устремились вслед за солнышком, увели навеки вечные от родимой от сторонушки грозный свой корабль-дракон.

И с тех пор в народе молвили, что та сила Софьи в омуте, что явился в лесной чаще белокрылой голубице, раскрасавице-кудеснице, бережёт с тех пор народ. Поглядеть желали многие в зеркалах чудесных вод образ Софьи-раскрасавицы, наше чудо небоглазое с пышной русою косою. Правда, явится не всякому та кудесница из прошлого, голубица белокрылая старопамятных времён. Только Лёше-перевозчику, что Алёхой прозывали за добро и простоту. Видел парень в лодье-лодочке ненаглядный образ девичий, когда ноченькой ненастною голос чистый, тонкий, звонкий звал его на помощь в тьму. Помнят доброго Алёху, чистоту души его, в его честь село прозвали у холмов родной реки.

А ещё нам как-то молвили, будто сила рукотворная, красота и благолепие всех оятских гончаров потому на свете ценится, что умеют люди здешние так любить свою сторонушку, милую да ненаглядную, что и глина лаской светится и узорами похожа на оятскую волну.

СКАЗ ПРО ВИННИЦЫ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-дождутся в теремах резных. А сегодня старой лодьёй на серебряных волнах, чёлном-карбасом рыбачьим, светлым парусом льяным, вёслами из прочной ели, что поют, трудясь, в воде и несут долблёнку-венех по извилистой реке, сказ про чудное название – тайну старины глубокой, про Ояти украшеньё у алмазной речки Шокши, сказ про Винницы-село.

Издавна велось в народе слушать добрых мудрецов, тех сказителей и старцев, чьи слова что мёд лесной, сладостный, густой, душистый из целительных цветов. Ведь они речисто-чисты, как вода из родников, сердцем родине внимают, все пути ногами знают, босиком их исходив и тепло своей земли с малолетства полюбив. Ведь они душою видят то, что былью-

небылицей называют книгочеи, что по разным книжкам рыщут, чтобы выглядеть умнее, подсобрав мудрёных слов.

А в тех былях, будто трелях вечных странников небес, коль прислушаться, услышишь эхо прежних песнопений, рун, былин и струн звучанье и сказителей преданье, про истоки рек журчанье, про их странные названья в том краю холмов лесистых, что когда-то заселила, как писали летописцы, с мерей, муромой да русью и с другими чудь да весь. И звучали пересказы про живущих на Ояти небоглазых, светловласых и охотников чудесных, называвших камни – «киви», реки – «йоги», берег – «ранд», а ручьи, что возглас – «ойя», так кричал рыбак счастливый, что вытягивал лосося из жемчужного ручья.

Вот и думают-гадают мудрецы да книгочеи, почему и кто придумал у холмов, обжитых весью на извиистой Ояти, необычное название, с близким к веникам звучаньем или к винному напитку в туеске из бересты. Говорят, «венаник»-русских называли с давних пор, что, приплыв сюда на лодьях, русы чуду подивились, красоте речных холмов и навечно поселились, обрели здесь добрый кров. Есть молва про Винглапаксу, что построил первый дом у оятского порога, а потом родне всей плакал, что врагами на дракаре был однажды разорён. И про брата его Видла, что с еловых берегов, говорят порой в народе, но не ведают, не знают, кто же первым в

самом деле, почему, в какое время всем известное названье у Ояти произнёс.

Может, вёл он лодку-венех вдоль могучих берегов, зная путь короткий лесом до родных ему озёр, но с дарами из похода, из великого пути, поднимался по изгибам заплутавшей, закрутившей свою водную дорогу милой реченьки Ояти, долго так, что вспомнил остров и каналов разветвления на другом конце земли. Там, где с Запада, с Востока свой товар везли купцы, там, где викинги в походах свою удасть принесли, за Царьградом в тёплом море про Венеции красоты под размеренный плеск вёсел речи многие веди.

– За морями жить не худо и красот не перечить, – скажет старец-песнопевец, перебрав поводи-струны. – Но в любом далёком царстве, что за тридевять земель, не найдёшь и не отыщешь край милей родной земли, что не хуже гор швейцарских да венецианских лодок, потому в названье Винниц мудрость старцев и народа да любовь, какой не купишь, в этом тайна поколений, вот её и сбереги.

□

Пётр Александрович ВАСИЛЬЕВ

родился в Лодейном Поле в 1967 году.

Журналист, писатель.

Публиковался в различных литературных журналах.

В 1993 году создал студию радио «Лодья».

Руководитель информационно-полиграфического комплекса «Свирские огни» в Подпорожье, директор ООО «Свирские берега» и автор программы «Заповедная область с Алексеем Морозовым» на телеканале «Россия 1».

Снимает документальные фильмы краеведческой направленности.

Член Союза писателей России.

В журнале «Север» публикуется впервые.

